

История

УДК 299. 571.61

Е.В. Буянов

КРИЗИС МОЛОКАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА АМУРЕ В НАЧАЛЕ XX в.

В статье рассматриваются кризисные явления в общине духовных христиан молокан Амурской области в начале XX в.

This article is devoted to the problem of crisis in the community of Spiritual Christians at Amur region at the beginning XX century.

В последние годы в отечественной историографии наблюдается значительное увеличение объема исследований по религиоведению. Часть этих работ написана на историческом материале Дальнего Востока России. Изучением молоканского движения в Амурской области занимались Ю.В. Аргудяева, М.Б. Сердюк, С.М. Дударёнок и др. Однако многие аспекты общественной жизни и религиозной деятельности амурских молокан в начале XX в. не получили всесторонней научной разработки. К числу их относится кризис молоканского движения на Амуре в начале XX в.

Дореволюционный период существования молоканской общины на Амуре был самым успешным в ее истории. Численность секты с середины XIX в. постоянно увеличивалась, росло экономическое могущество крупных предпринимателей-молокан. Признаком процветания молоканской общины на Амуре было окончание строительства большого молитвенного дома в Благовещенске в 1908 г. В городе действовали две молоканских школы. Но за внешними признаками благополучия скрывались серьезные кризисные явления.

Начальной точкой отсчета упадка молоканской общины в России стала вторая половина 80-х гг. XIX в. Современники отмечали, что с этого времени быстрое до этого распространение молоканства в стране заметно приостанавливается, и связывали это с развитием в народной среде учений пашковцев и баптистов, с одной стороны, и религиозно-этических идей Л.Н. Толстого, – с другой. Проповедники баптизма, среди которых было немало людей хорошо образованных и с богословской эрудицией, имели значительный успех в народе и даже среди тех молокан, которые понимали неразработанность догматической стороны своего вероучения. Многие видные и популярные представители молоканства оставили его и перешли в баптизм или примкнули к евангелическим христианам (пашковцам). Молодое же поколение молокан особенно охотно воспринимало религиозные взгляды Толстого, главным образом его идеи и требования морального и этического характера. А.С. Пругавин писал, что православные миссионеры начала XX в. по этому поводу обвиняли современных им молокан-толстовцев в безбожии и анархизме, хотя совершенно несправедливо. Точно так же, по его словам, не заслуживают доверия утверждения миссионерской печати, что под влиянием баптизма и толстовства секта молокан является теперь вымирающей и находится в состоянии полного разложения. Многие факты общественной жизни России конца XIX – начала XX вв. явно противоречили таким выводам. Происходившие после 1905 г. в разных местах страны съезды представителей молоканских общин отличались значительным количеством участников. На некоторых съездах было по 1500 человек и более. В молоканской среде в это время было замечено появление интеллигентных людей, с высшим образованием, которые стремились придать молоканскому вероучению по возможности цельный и законченный характер. Таким был,

например, доктор медицинских наук А.С. Проханов (умер в 1912 г.), основатель журнала «Духовный христианин», который стал с тех пор главным печатным органом молокан¹.

В конце 90-х гг. XIX в. возникло «Общество образованных молокан», выработавшее платформу религиозного модернизма и пытавшееся в рамках Библии истолковать достижения естественных и социальных наук, а где это не удавалось, то и поступиться Библией. Это был курс на соединение религии и науки.

Более масштабной стала попытка молоканского деятеля Н.Ф. Кудинова создать «прогрессивное молоканство». Она была предпринята в начале XX в. и заключалась в том, чтобы возобновить в молоканстве кое-какие демократические традиции, отстранить ненавистное массе рядовых верующих, связанное с властями руководство. Н.Ф. Кудинов предлагал мероприятия (хотя и весьма осторожные) по повышению образовательного и культурного уровня молокан, а также по подготовке квалифицированных кадров проповедников. Задуманная им реформа предусматривала придание секте строго централизованного строя. Выступления Н.Ф. Кудинова привлекли внимание некоторой части верующих в центральных губерниях России. Однако Н.Ф. Кудинов встретил упорное сопротивление «старцев», и его попытки провести реформу молоканства окончились ничем².

Однако негативные явления в молоканской среде, проявившись еще в 80-е гг. XIX в., продолжали развиваться. На Амуре они находили выражение в догматических дискуссиях и в попытках изменить богослужебный обряд. Часто молитвенные собрания молокан превращались в многочасовые споры по вопросам веры. Старцы расходились во взглядах и, стремясь упрочить влияние на паству, вводили новые строгие правила: запрет на нарядную одежду во время молитвы, запрет на участие в собраниях молодых женщин и девушек, чтобы не было соблазна для мужчин. Новшества привели к оттоку части молодежи к духоборам и баптистам. Руководство молоканской общины было настолько напугано уменьшением числа верующих, что отменило запреты и даже обратилось в полицию с просьбой о преследовании собраний духоборов-прыгунов как безнравственных. Так в самой крупной на Амуре благовещенской общине постепенно назревал межпоколенный конфликт: молодежь не устраивали мировоззренческие ориентиры руководителей общины, консерватизм и строгость правил молитвенных собраний. Впоследствии этот конфликт вылился в фактическое разделение молоканской общины. Не помогло восстановить единство молокан даже присутствие в городе Ф.С. Коротаяева, пользовавшегося всеобщим уважением в качестве ученика дочери С.М. Уклеина³.

Власти, наблюдая за тенденциями в молоканской общине, поспешили сделать весьма категорические выводы. В «Обзоре Амурской области за 1900 год» говорилось: «Сектанты молокане становятся все более индифферентными в своей вере, сознавая неправоту своего учения. Особенно это нужно сказать о молодежи, из среды которой некоторые уже переходят в православие, и случаи обращения были бы более часты, если бы не препятствовали этому всячески вожаки секты, коснящие еще в религиозном заблуждении»⁴.

Видный благовещенский молоканский проповедник начала XX в. Егор Ионович Ефимов на молитвенных собраниях весьма критически толковал Святое писание, «разоблачая» многих библейских пророков и героев. В ежегодном отчете Благовещенской епархии за 1910 г. его взгляды названы «чисто атеистическими». Группа молоканской молодежи организовала «кружок любителей хорового пения и игры на скрипке» с целью улучшить молитвенные собрания по баптистскому образцу. Эти поиски свидетельствовали о неудовлетворенности части молокан, прежде всего молодых, комплексом ценностных ориентиров молоканского вероучения, а также социальным расслоением в общине.

Противоречия между «старцами» и их оппонентами привели к расколу благовещенских молокан на два течения – «консерваторов», собиравшихся в большом молитвенном доме, и «либералов», сплотившихся вокруг Е.И. Ефимова и «кружка любителей хорового пения и игры на скрипке». «Старцы» не принимали нового, а «либералы» стремились к дальнейшему развитию вероучения и богослужebной практики на демократических началах. Пика раскол достиг в 1911 – 1912 гг. Затем часть «либералов» пошла на примирение со «старцами», другая перешла в баптизм, но сохранилась и небольшая группа молокан-оппозиционеров. В эти годы, оставаясь крупнейшим направлением и по численности последователей и по влиянию на экономическую жизнь края, амурское молоканство утратило былую духовную сплоченность и религиозное единство. Православные источники в этот период характеризуют его как «одряхлевшее молоканство» и отмечают, что для православия оно перестало быть опасным⁵.

Действительно, с начала XX в. наблюдаются явные признаки ослабления молоканской общины на Амуре. Исчезает прежняя корпоративная замкнутость молокан, они все чаще отходят от привычных занятий и осваивают новые профессии и сферы гражданской жизни. Так, в 1914 г. Федор Васильевич Косицын был доверенным лицом известной фирмы «Бедикер Карл и К°», в 1915 г. он же состоял агентом «Северного страхового общества» и числился членом правления Благовещенского пожарного общества. Мария Владимировна Буянова имела практику зубного врача, Агафья Павловна Буянова была членом комитета общества попечения о подкинутых детях⁶.

Внешними признаками разложения и упадка молоканства стали участвовавшие случаи заключения браков с православными, католиками и представителями других конфессий, а также выезд за рубеж. Основной поток молоканской эмиграции из России пришелся на 1901 – 1911 гг. Общее число молокан-эмигрантов на этом отрезке времени составило более 3500. Они обосновались в США, в штате Калифорния⁷. Не случайно в годы революционного лихолетья часть амурских молокан укрылась сначала в Маньчжурии, потом они перебрались в Австралию и в конце концов оказались в США, в городе Сан Франциско. Среди молоканской молодежи стало распространяться увлечение горячительными напитками и курением табака. Запреты всегда порождают соблазн их нарушения. Еще в Закавказье В.В. Верещагин отмечал, что «у молокан, например, запрет на вино и на табак, и наружно они не пьют, не курят, но втихомолку не откажутся от запретного плода»⁸.

Главной причиной кризиса молоканского движения в России и на Амуре стало социальное расслоение, стремительный рост богатства одних и сравнительно скромное существование других членов общины. Как это не раз бывало в истории, молоканство как общественное, духовно-нравственное и религиозное движение в первую очередь сгубила страсть к наживе и роскоши. Выдвижение на первое место в жизни материальных факторов в ущерб духовному началу имело следствием отход от важных принципов, сплачивающих молокан в одно целое в период подъема их общины.

В то время идеологи рядовой массы молокан открыто ставили вопрос: что надо делать, чтобы освободить бедных братьев из-под власти богачей? Так же прямо эти идеологи разоблачали связи между молоканами-капиталистами и царским самодержавием. В журнале «Молоканский вестник» за 1906 г. они писали о представителях молоканского капитала: «Они постыдно жали окровавленные руки палачей бедного русского народа»⁹.

Важную роль в постоянно углубляющемся кризисе молоканства сыграла неразработанность его религиозной и философской доктрины. Не сумев вовремя обновить свое учение, молокане не смогли успешно противостоять своим главным конкурентам – баптистам и евангелическим христианам – в вопросах веры. Это тем более прискорбно, что среди молокан всегда было большое количество начитанных и эрудированных людей, закончивших лучшие учебные заведения того времени.

Молоканам так и не удалось до начала XX в. выработать свой всеми признаваемый единый символ веры. Тот же В.В. Верещагин отмечал: «В Закавказье очень много молокан; живут они все хорошо, зажиточно, но только не так согласно, как духоборцы. Между молоканами много раздоров: недовольные почему-либо старыми порядками выдумывают новые, отделяются и увлекают за собой целые партии; отделившееся таким образом общество начинает собираться под руководством нового наставника и уже в отдельном доме. Таким образом, сначала незаметно, потом все в больших размерах разрастаются несогласия и превращаются, наконец, в открытую злобу»¹⁰.

В это время в России, за вычетом молокан донского толка, прыгунов, «общих» и немногочисленных жидовствующих, в движении численно преобладала масса, продолжавшая следовать за своими руководителями, которые считали, что они «ни направо, ни налево» не отклонились от вероисповедальной и культовой традиции. Эти считавшие себя ортодоксальными молокане присвоили себе название «постоянных». Профилировали «постоянные» молокане, но о последних, по выражению А.И. Клибанова, с полным правом можно сказать, что они представляли постоянное непостоянство: в их среде не существовало никакой устойчивости¹¹.

В гуще рядовых молокан все заметнее распространялась апатия по отношению к судьбам молоканского движения. Собственно, никакого «движения» уже и не было. Существовал давний, глубокий, просто безнадежный застой все еще самой многочисленной русской секты. Простым молоканам не было дела до проблем молоканства как религиозного общества. Оно двигалось вперед скорее по инерции и оживлялось иногда перебранками «старцев» между собой, их совместными действиями против возмутителей спокойствия вроде Н.Ф. Кудинова или, наконец, полемикой с конкурировавшими сектами, зачастую весьма неумелой и неубедительной¹².

На Амуре также отмечалось наличие в молоканстве разных толков, разночтения в символах веры между городскими и сельскими молоканами и хотя и явно не проявляющееся, но все же некоторым образом бытующее соперничество между ними. В ходе противосектантской работы православные священники уловили и отметили в амурском молоканстве наличие двух толков – самарского (Е.И. Ефимов, Ф.И. Косицын, И.Ф. Коротаев) и тамбовского (Ф.Т. Востриков, Селезнев, Абрамов)¹³. В чем расходились между собой молокане самарского и тамбовского толков, сейчас сказать трудно. Так, на одном из диспутов православных и сектантов в Тамбовке большинство собрания согласилось, что грешат и христиане, в этом пункте местные молокане отличались от городских единоверцев, которые утверждали, что сектанты не грешат, да и грешить не могут. Впрочем, и некоторые из тамбовских молокан тоже заявляли, что они – христиане-сектанты – грешить не могут¹⁴.

Характерный случай произошел 22 июля 1901 г. в молоканском молитвенном доме села Толстовки. Во время богослужения два пресвитера заспорили – предположительно о чине службы. Каждый доказывал правоту своего мнения. Слово за слово – и пресвитеры разругались, обзвав друг друга нехорошими словами, молитвенное собрание не могло продолжаться, и молокане разошлись по домам, оживленно комментируя слышанное. Этот инцидент дал в деревне тему для нескончаемых споров и раздоров¹⁵. Надо думать, что здесь имели место не религиозные разногласия, а столкновение амбиций и темпераментов.

Еще одной причиной слабости молоканской общины было то, что сектанты как в Амурской области, так и в России не имели единой централизованной организации. В Благовещенске центром их религиозной жизни выступала автономная, самоуправляющаяся община, которой руководил на выборных началах пресвитер. В функции последнего входили совершение религиозных треб: свадьбы, крещение, похороны. Власть пресвитеров по влиянию на верующих даже нельзя сравнивать с властью православного духовенства, к тому же пресвитеры были сильно ограничены контролем со

стороны рядовых, но авторитетных членов общины. Среди пресвитеров явно не хватало хорошо образованных людей, блестящих ораторов, ярких проповедников, глубоких теоретиков и идеологов молоканской веры.

Предпринимательство с присущим ему безудержной жадной наживы любой ценой серьезно деформировало нравственность некоторых молокан. Факты свидетельствуют, что в начале XX в. отдельные купцы и промышленники из молокан вели свои дела, что называется «на грани фола». Иногда они оказывались причастными кразного рода криминальным эпизодам. В декабре 1911 г. в Благовещенске проходили заседания военно-окружного суда. Судили интендантов Маккавеева, Шафирова и Шляпникова. «Все фигуры для наших крестьян до чрезвычайности знакомые – на память от них осталась не одна «царапина на сердце» по картинному выражению г. Прокурора», – писал об этом процессе сотрудник журнала «Амурский земледелец»¹⁶. Подполковник В.И. Шафиров обвинялся в том, что он при производстве заготовок зерновых продуктов вошел в соглашение с распорядителями мельниц И.А. Алексеевым, В.Е. Буяновым и А. Кувшиновым с целью представления им незаконных материальных выгод, а также допускал при приемке зерна со стороны приемщиков обвешивание крестьян и браковку их зерна, за что и получил от администрации мельниц выгоды заключающиеся в: на мельнице Алексеева в отпуске ему в долг в период с декабря 1905 г. по сентябрь 1907 г. разных продуктов и дров на сумму около 500 рублей, в выдаче ему 28 июля 1907 г. заимообразно 5000 рублей, из коих он не уплатил Алексееву 1349 рублей; на мельнице Буянова в отпуске ему продуктов и дров на 155 рублей 20 копеек, а также в выдаче ему 10000 рублей; на мельнице Кувшинова в отпуске ему разных продуктов и дров на сумму 400 рублей. Свидетель из крестьян Т.Ф. Лештаев на суде показал, что при приемке зерна приемщиками со стороны мукомолов натура зерна (содержание клейковины и другие хлебопекарные качества – *Е.Б.*) определялась «на глаз», сорность зерна устанавливалась тоже «на глаз», в результате с каждого пуда сбрасывалось от 2 до 7 фунтов. Зерно взвешивалось не в крестьянских кулях, а ссыпалось сперва в лари, а оттуда – в казенные мешки. Зерно рассыпалось, за легкие казенные мешки ($\frac{3}{4}$ – $1\frac{1}{2}$ фунта) сбрасывалось 2 фунта веса. Жалобы не принимались, жалобщиков лишали очереди, а то и грозили вовсе не принимать их продукцию. Мешки зерна, получившиеся с большими «сморками», как слышал свидетель, сдавались мукомолами через подставных лиц тому же интендантству. Свидетель И.Ф. Лештаев рассказал, что «сморки» на зерно были фунта по два на пуд, даже и тогда, когда оно не было сорное. Приемщики обманывали крестьян, зерно рассыпали из казенных кулей, кули были рваные. Зерно оставалось на земле и потом собиралось рабочими мукомолов в свои мешки. Скапливалось до 10 пудов в сутки.

Подполковник С.А. Шляпников обвинялся в том, что при производстве заготовки пшеницы и ярицы в потребность 1908 г. и овса в потребность 1909 и 1910 гг. он вошел с распорядителем мукомольного товарищества В.Е. Буяновым в соглашение, в силу которого за нарушение обязанностей службы при приемке зерна на этой мельнице допускались злоупотребления при определении натуры и взвешивании зерна во вред продававшим его земледельцам и в пользу товарищества «Братьев Буяновых». С.А. Шляпников получил от В.Е. Буянова различные противозаконные выгоды: забрал в долг различных продуктов с мельницы на сумму более 15000 рублей, получил заимообразно денег 10 июля 1908 г. 400 рублей, 4 августа – 100 рублей и 30 октября того же года – 3825 рублей. Также С.А. Шляпников получил «денежный подарок» в размере 422 рублей 09 копеек, данный ему под видом списывания этих денег с его счета.

Свидетель А. Ланкин показал, что во время приема натура зерна определялась «на глаз», овес браковали, приходилось продавать его «на волю» по 60 копеек за пуд. Когда со стороны крестьян были уполномоченные, то ценность зерна оказывалась до 79 коп. и выше, а когда зерно принималось без уполномоченных – цены назначались гораздо ниже. Хороший овес часто браковали, особенно у

строптивных и склонных отстаивать свои права, и таким приходилось волей-неволей продавать овес через «загонщиков» тому же Буянову, но, конечно, по более низкой цене. Свидетель Ф.М. Саяпин сказал, что настоящей добросовестности при приемке зерна не было; отношение заготовителей к крестьянам было обидное, и среди крестьян всегда раздавались жалобы. По словам свидетеля Брагина, при приеме зерна скашивали до 6 фунтов, это было оскорбительно и обидно. Свидетель Т.Ф. Лештаев в своих показаниях обрисовал всю процедуру приемки и сдачи зерна с исчерпывающей полнотой, подтвердив показания остальных свидетелей.

Решением суда интенданты Маккаев, Шафиров, Шляпников были признаны виновными в лихоимстве, уволены с военной службы, лишены воинских званий. С.А. Шляпников, без лишения чинов, но с потерей некоторых прав и преимуществ, получил 4 месяца заключения в крепости. В.И. Шафиров был лишен чинов и наказан арестом на 1 год и 6 месяцев¹⁶. Таким образом, проштрафившиеся интенданты отделались сравнительно легко, имея в виду огромные по тем временам суммы денег, полученные ими в виде взяток. О том, что суд определил в отношении мукомолов, источник не сообщает, скорее всего никаких санкций не последовало. Законодательство Российской империи еще карало мздоимцев, но не предусматривало ответственности за дачу взятки.

Обращает на себя внимание и то, что пострадавшие от действий казенного ведомства и находящиеся с ним в преступном сговоре распорядителей мельниц (И.А. Алексеев, В.Е. Буянов А. Кувшинов) крестьяне тоже были молокане – Т.Ф. Лештаев, И.Ф. Лештаев, А. Ланкин, Ф.М. Саяпин, Брагин. Что же стало с духом общинной солидарности, почему в отношении единоверцев чинились обман и грубые злоупотребления, унижалось их человеческое достоинство? Неужели жажда большой прибыли начисто затмила у мукомолов понятия о чести, нравственном долге в отношении ближнего, прочие христианские ценности?

Стремление отдельных молокан к наживе порой приводило их к конфузным ситуациям. По сообщению «Благовещенских епархиальных ведомостей», 23 сентября 1904 г. в одной из комнат архиерейского дома у его преосвященства состоялась беседа о святых таинствах причащения и священства, и в частности о содержании пастырей. Со стороны молокан прения вел Ф.И. Косицын с другими своими сторонниками. Поговорив немного о таинстве причащения, молокане перешли затем к обсуждению таинства священства. Они старались доказать, что будто бы по Новому Завету в церкви Христовой не должны иметься нарочитые священники, как это было в Ветхом Завете, потому что все «христиане священство святое, царственное священство, народ святой».

Молокане утверждали, что православные священники не могут быть сочтены истинными священниками, так как служат из «гнусной корысти», получая жалованье и доход от исправления треб. На это им было сказано, что жалованье не есть «гнусная корысть», а вознаграждение за труд, а равно получаемые добротные даяния от прихожан за требы.

После этого кто-то из православных присутствующих на беседе сказал, почему сектанты не осуждают своих наставников, занимающихся торговлей и явно обманывающих покупателей единственно ради «гнусной корысти», а православное духовенство, всего себя отдающее на дело служения своей пастве, презирают за получение жалованья и добровольного вознаграждения за труды. Тут один из православных сказал: «Я знаю такие возмутительные случаи, как продажа молоканскими наставниками православным мяса павшего от болезней рогатого скота, чтобы не лишиться только своего прибьтка». «Это верно: падаль продают, – подтвердил представитель сектантов Ф.И. Косицын. – Да отчего же павшую скотину православным и не продать? Ведь в этом нет греха, потому что они язычники». Такое грубо откровенное заявление сектанта привело православных в негодование¹⁷.

Конечно, автор информации в «Благовещенских епархиальных ведомостях» сильно сгустил краски при передаче слов Ф.И. Косицына о продаже мяса «падали» православным лишь потому, что

последние язычники. Молокане все же заботились о своей торговой репутации и не могли пойти на такой примитивный обман покупателей, среди которых, кстати, могли быть не только православные, но и единоверцы. Не следует также воспринимать буквально огульные обвинения по поводу торговли негодным мясом в адрес одних только молоканских лавочников. Как будто православные купцы никогда не сбывали испорченное мясо. Прибыль не имеет ни национальной, ни религиозной принадлежности: она одинаково вожделенна для всех торговцев.

Скандальные типы купцов, промышленников и контрабандистов («волков»), нравы в их среде колоритно описаны в коллективном романе «Амурские волки», получившем в начале XX в. широкую известность. Его редактором являлся ссыльный журналист и литератор Александр Иванович Матюшенский-Седой. Роман печатался в Благовещенске в 1912 г. в разных газетах. По замечанию современника тех событий амурского краеведа Г.С. Новикова-Даурского, за фамилиями литературных героев романа – Алёхин, Семёркин, Покосовы стоят крупные предприниматели из молокан – Алексеев, Семеров, Косицыны¹⁸. Роман «Амурские волки» построен на сенсационных «разоблачениях» местных буржуазных воротил, наживавших громадные состояния на спекуляции золотом, на грабежах и убийствах. Однако, – как писал исследователь литературной жизни Дальнего Востока А.В. Лосев, – ценность этих «разоблачений» весьма невелика: они нужны были главным образом для того, чтобы привлечь к роману внимание мешанско-обывательской публики, и, в конечном счете, для увеличения числа подписчиков газет¹⁹.

Таким образом, в начале XX в. явственно обозначился кризис молоканского движения в Амурской области. Молоканство могло преодолеть его и имело для этого все реальные возможности. Однако революция и Гражданская война в России закрыли для молокан всякую историческую перспективу. Советская власть проводила политику ликвидации класса частных собственников, среди которых было много молокан, коммунистическая партия – полного уничтожения в стране всякой религии. Все это привело к ликвидации общины духовных христиан молокан в Амурской области к середине 30-х гг. XX в.

---

¹ Пругавин, А.С. Молокане // Энциклопедический словарь русского библиографического общества института «Гранат». – 11-е стереотип. изд. – Т. 29. – М., 1933. – Ст. 229 – 230.

² Клибанов, А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М., 1973. – С. 135 – 136.

³ Сердюк, М.Б. Религиозная жизнь Дальнего Востока (1858 – 1917 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. – С. 67.

⁴ Обзор Амурской области за 1900 год. – Благовещенск, 1901. – С. 30.

⁵ Сердюк, М.Б. Указ. соч. – С. 81, 82, 118, 119.

⁶ Амурский торгово-промышленный календарь на 1914 год. – Благовещенск, 1914. – С. 94, 100, 158; Памятная книжка Амурской области. Адрес-календарь Амурской области. 1915 год. – Благовещенск, 1915. – С. 106.

⁷ Клибанов, А.И. Указ. соч. – С. 134.

⁸ Верещагин, В.В. Повести. Очерки. Воспоминания. – М., 1990. – С. 130.

⁹ Цит. по: Клибанов, А.И. Указ. соч. – С. 135.

¹⁰ Верещагин, В.В. Указ. соч. – С. 131.

¹¹ Клибанов, А.И. Указ. соч. – С. 134, 135.

¹² Там же. – С. 136.

¹³ Благовещенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 10. – С. 172 – 173.

¹⁴ Благовещенские епархиальные ведомости. – 1903. – № 2. – С. 118 – 119.

¹⁵ Амурская газета. – 1901, 19 августа.

¹⁶ Амурский земледелец. – 1912. – № 3. – С. 13 – 17.

¹⁷ Благовещенские епархиальные ведомости. – 1904. – № 21. – С. 35 – 37.

---

¹⁸ Новиков-Даурский, Г.С. Предисловие // Приамурье. Литературно-художественный и общественно-политический альманах. – Благовещенск. – 1956. – № 5. – С. 120.

¹⁹ Лосев, А.В. Александр Иванович Матюшенский (Пolemические заметки о новоявленном «классике» амурской литературы) // Избранные труды по литературному краеведению Приамурья. – Благовещенск, 2011. – С. 174.